

УГОЛОК КАЗАЧКИ

Ценные сведения о традиционной казачьей обрядности содержатся в двух довольно подробных описаниях свадеб конца XIX—начала XX вв. Кроме того, в статье использованы материалы, собранные в ходе этнографических экспедиций в 1986—1988 гг. в станицах Екатериноградская, Приближная, Солдатская, Котляревская, Александровская и в городе Прохладном. В этих материалах зафиксированы обычаи, в лучшем случае, предреволюционных лет, а большей частью — 20-х гг. нашего века. Но поскольку в 20-е г. в станицах еще сохранялась традиционная свадебная обрядность, полевые материалы вполне могут быть привлечены для ее изучения. Использованные источники позволяют выявить основные особенности и варианты казачьей свадьбы на территории Кабардино-Балкарии, проследить, как изменялась свадебная обрядность в конце XIX — 20-х гг. XX в., наконец, поставить вопрос о происхождении обрядов терского казачества.

На территории Кабардино-Балкарии первая станица — Екатериноградская — появилась в 1777 г. В ней поселили волжских казаков, которые за 30 лет до того были переселены на Волгу с Дона и сохраняли все обычаи донского казачества. К середине XIX в. на территории Кабардино-Балкарии было уже 7 станиц: Екатериноградская, Прохладная, Приближная, Солдатская, Пришибская, Котляревская и Александровская. В дальнейшем их число не увеличилось. Казачье население станиц сформировалось из 4 основных групп: 1) волжских казаков — ст. Екатериноградская; 2) одноворцев — ст. Приближная и Солдатская; 3) переселенцев с Украины, которые жили во всех станицах на территории Кабардино-Балкарии, а в ст. Прохладной и Пришибской составляли большую часть казачества; 4) отставных солдат — ст. Солдатская, Котляревская, Александровская. Эти группы, особенно последняя тоже были этнически неоднородными — среди отставных солдат встречались выходцы из разных губерний России. В результате этнический состав как казачества в целом, так и населения отдельных станиц, был довольно сложным.

Каждая станица, независимо от этнического состава населения, делилась на несколько частей — краев. В некоторых станицах, например, в ст. Екатериноградской молодежи.

Добрые отношения

Различия между станичными «краями» ярче всего проявлялись в поведении молодежи. Молодым неженатым казакам небезопасно было даже появляться в другом «краю» станицы и особенно опасно было ухаживать за девушками того «края». Между молодыми казаками разных «краев» одной станицы нередко происходили драки, чаще всего из-за девушек. Свататься можно было и к девушке с другого «края» станицы, но в таком случае жених должен был дать ребятам того «края», где жила его невеста, своего рода выкуп — папиросы, водку или вино, иначе они могли его избить.

Внутри одного «края» молодые парни и девушки довольно свободно общались между собой. Весной и летом они собирались на улице, в степи, на выгоне (со дня Пасхи), в лесу (с Троицы). Небольшая группа молодежи одного возраста обычно называлась гуртом, реже в этом значении употребляли слово карагод. Они пели, танцевали, играли в различные игры. Зимой ребята и девочки, начиная лет с 14, собирались на посиделки, вечеринки (ст. Екатериноградская, Приближная, Котляревская) или досытки (ст. Прохладная, Солдатская). Для этого каждый гурт нанимал какую-нибудь хату, чаще всего у одинокой женщины. Реже бывало, что собирались дома у кого-нибудь из участников вечеринки. На таких вечеринках девушки занимались работой — шили, пряли; вязали. Но успевали они и повеселиться вместе с ребятами — песни, игры — продолжались до поздней ночи. Здесь же все собравшиеся обычно ужинали и ночевали. Вечеринки, и досытки проходили без участия и без контроля взрослых, но молодежь не злоупот-

ребляла своей свободой. Как писал один из жителей ст. Прохладной, «несмотря на то, что девушки и парни вместе проводили целые ночи, в их отношениях строжайшим образом соблюдалась скромность и благопристойность».

Однако в конце XIX в., после того как через Прохладную прошла железная дорога, и эта станица стала превращаться в крупный торгово-ремесленный центр, положение изменилось. Досытки тогда «получили новый, совсем нежелательный характер, вследствие чего в конце 1886 года по общественному приговору это обычай запрещен». В других же станицах вечеринки продолжались вплоть до 20—30-х гг., и все это время они сохраняли благопристойный характер.

С того возраста, когда девушка начинала посещать вечеринки (то есть лет с 14), у нее мог появиться ухажер. В некоторых случаях они встречались на протяжении нескольких лет, но далеко не всегда вступали в брак. Согласно существовавшим тогда нормам приличия, на вечеринках дозволялось обниматься и целоваться, но не более того. Причем, такие вольности допускались только в молодежной среде. В присутствии старших, особенно родителей, молодежь вела себя совершенно иначе. Считалось, что парню и девушке должно быть «стыдно» даже просто идти вдвоем по улице. Ухажер никогда не приходил домой к своей девушке, она, в свою очередь, обходила далеко стороной его двор. Они являлись избегаемыми родителями друг друга.

Если все же приличия были нарушены, что бывало редко, девушке ожидало суровое наказание. «Замеченная в безнравственном проступке девушка уже не могла выйти замуж за казака...» Но даже когда она выходила замуж, ей не удавалось избежать позора. Особенно тяжелым бывало последствие, если девушка забеременела до брака. Ее могли отказать в венчании в церкви, с нее во время свадьбы срывали фату, иногда она выходила замуж без свадьбы. Бывало, что такая девушка кончала жизнь самоубийством. Опозорена была не только она, но и вся ее семья. На ее сестрах никто не хотел жениться.

Брачный возраст

В дореволюционное время браки у казаков заключались в довольно раннем возрасте. Девушки выходили замуж лет с 16, но чаще всего в 17—18 лет. Девушка старше 20 лет во многих станицах считалась уже старой девицей (в станице Екатериноградской их называли передоидками). Жениться на ней мог только вдовец с детьми.

Казаки женились обычно с 18, но изредка даже в 17 лет, чтобы скорее привести в дом работницу. Обычно в 21 год, когда казак шел на военную службу, он был уже женат. Тех, кто долго не женился, в ст. Прохладной называли кабардинскими парубками — кабардинцы в отличие от казаков женились поздно.

Выбор жениха и невесты

Хотя до брака молодые казаки и девушки свободно общались между собой, встречались и на вечеринках, и на улице, и во время праздников, право выбора жениха или невесты принадлежало родителям, которые далеко не всегда считались с чувствами своих детей. До революции существовало множество барьеров для заключения брака — национальных, религиозных, словесных и др. В конце XIX — начале XX в. казаки не вступали в брак с кабардинцами или другими народами Кавказа. Казачку не выдавали замуж за иногороднего — у иногородних не было земли. Но и казак не женился на иногородней, боясь, что его засмеют. Казаки и иногородние мало общались между собой. Даже разговаривать с иногородним считалось предосудительным для девушки-казачки. После революции многие из барьеров исчезли, и в 20-е гг. браки между казаками и неказачьим населением уже могли заключаться, хотя и тогда они были редкостью.

Когда выбирали невесту, обращали внимание прежде всего на то, как она работает, что умеет делать, — именно в качестве работницы она нужна была семье жениха. Но учитывали также имущественное положение и репутацию семьи, из которой брали девушку. Приблизительно те же требования предъявляли родители девушки к жениху и его семье. Кроме того, в каждом конкретном случае принимались в расчет многие другие обстоятельства. Например, девушку отказывались выдать замуж в большую семью, потому что положение снохи в такой семье было особенно тяжелым, и т. д. Решая, на ком женить сына или за кого отдать дочь, родители советовались со своими родственниками, но последнее слово оставалось за отцом. Он мог сказать дочери: «Не за кого ты хочешь, а за кого я отдам». Конечно, не все отцы и особенно матери (если не было в живых отца) отдавали до-

черей замуж насильно. В 20-е гг. чаще, хотя и не всегда, при заключении брака родители стали учитывать желания своих детей.

Если даже девушке не нравился жених, за которого ее хотели выдать родители, она очень редко решалась пойти против их воли. В таком случае ее мог похитить тот, за кого она хотела выйти замуж. Бывало даже, что невесту похищали прямо во время свадьбы, едва ли не с церковных ступеней. После этого ее родителям приходилось смириться с ее выбором и дать согласие на брак. Но такие случаи составляли исключение. Гораздо чаще девушка подчинялась воле родителей.

(что бывало чаще), то ее родителям, конечно, было известно, насколько состоятельны их будущие родственники, но обычай соблюдался и в этом случае, хотя родственники невесты и жениха не столько осматривали хозяйство, сколько продолжали праздновать сватовство.

Обычно в ходе сватовства родители жениха и невесты договаривались о расходах на свадьбу. В ст. Екатериноградской в начале XX в. жених должен был заплатить родителям невесты «условленную сумму денег, от 10 до 200 рублей, смотря по состоянию. Иногда, вместо денег (или вместе с ними) жених дает одну или несколько лошадей, быков, ко-

ничиваться тем, что во время сватовства спрашивали у жениха и невесты согласия на брак. За пределами Кабардино-Балкарии сговор был одним из важнейших обрядов предсвадебного цикла во многих станицах на Терреке, на Дону (он мог также называться «рукобитьем» или «сводами»), песни, которые пели там во время этого обряда, были очень похожи на песни станицы Екатериноградской. В том или ином виде сговор был известен всем восточным славянам, поэтому можно предположить, что когда-то он исполнялся не только в Екатериноградской, но и во всех остальных станицах на территории Кабардино-Балкарии, однако согласие на

венники жениха и невесты вместе выпивали эту водку. В станицах Прохладной, Приближной, Котляревской этот этап предсвадебной обрядности называли запоем. Но и в других станицах согласие родителей девушки выпить принесенную сватами водку означало, что они согласны выдать ее замуж. Об этом свидетельствует, в частности, песня, записанная в ст. Екатериноградской. В начале XX в. ее пели девушки во время сговора, когда невеста обносила водкой своих родственников и родственников жениха. Впоследствии эту же песню с небольшими изменениями стали петь родственники жениха во время сватовства, после того, как не-

КАЗАЧЬЯ СВАДЬБА

Предсвадебные обряды

Традиционную казачью свадьбу можно разделить на два основных этапа. Первый из них составляли предсвадебные, подготовительные обряды, второй — собственно свадьба. В свою очередь предсвадебный цикл распадается на несколько обрядовых комплексов. Первый из них включает в себя сватовство, сговор, осмотр хозяйства жениха и т. п. Содержанием этого обрядового комплекса было достижение договоренности между родственниками невесты и жениха о предстоящем браке, об условиях его заключения. Одни из этих обрядов были общими для всех станиц, другие совершались только в некоторых.

Сватовство было первым обрядом предсвадебного цикла. Тех, кто сватал девушку, в большинстве станиц называли сватами, только в ст. Солдатской — по-украински — старостами. В ст. Прохладной еще в конце XIX в. их тоже называли старостами, но позднее стали именовать, как и в других станицах, сватами (так же называли друг друга родители жениха и невесты). Сватов выбирали родители жениха, обычно из числа своих родственников. Чаще всего к родителям девушки посылали 2—3 сватов, среди них были и мужчины, и женщины. Сватами, как правило, были люди пожилые, опытные, они обязательно должны были состоять в браке, причем, именно в первом браке — «первой судьбы». Вдовам, вдовцам, а после появления разводов и разведенным, никогда не поручали сватовство. Очевидно, существовало представление о том, что от выбора сватов зависела будущая судьба молодых. В дореволюционный период родители жениха и он сам никогда не шли в дом невесты до тех пор, пока не получили предварительного согласия на брак, но позднее это правило в некоторых станицах стали нарушать: сватать девушку мог пойти сам жених со своим другом или с кем-нибудь из родственников, а также его родители.

Сватовство обычно происходило вечером. Придя к родителям девушки сваты заводили инсказательный разговор. Едва ли не во всех станицах этот разговор начинался с вопроса: «У вас телочка продается?» или «У вас есть телочка проданная?» Уподобление невесты телочке характерно не только для казачества, но и для восточных славян.

В конце XIX—начале XX в. ни в ст. Прохладной, ни в ст. Екатериноградской родители девушки сразу не давали согласия на брак. Даже если им нравился жених, они откладывали окончательный ответ на несколько дней или недель. Сваты приходили к ним во второй и в третий раз. В последующие годы церемония сватовства упростилась и сократилась; зачастую она завершалась в течение одного вечера. Если родители девушки согласны выдать ее замуж, то сваты тут же звали родителей жениха и его самого или приходили все вместе на следующий день.

Когда предварительная договоренность о свадьбе была достигнута, у жениха и невесты спрашивали согласия на брак. Такое согласие они, как правило, давали независимо от того, как в действительности относились к предстоящему браку. В станице Прохладной и Приближной девушка отвечала своим родителям: «С вашей воли не выйду».

Осмотр хозяйства жениха

После сватовства родственники невесты шли или ехали к жениху печь смотреть, то есть осмотреть дом, двор, хозяйство семьи, в которую они собирались отдать свою дочь. Практическое значение этот обычай имел только тогда, когда жених и невеста жили в разных станицах и родители невесты не знали его имущественного положения. Но в таком случае жених мог их и обмануть — вместо своего двора показать им хозяйство богатого соседа. Если жених и невеста жили в одной станице

ров, баранов или известную меру пшеницы, муки, проса, а иногда отдаст рощу, сад». Это единственное упоминание о том, что родители невесты могли получить в качестве свадебного выкупа скот, рощу или сад. Как правило, взнос жениха состоял из денег, продуктов питания, предметов одежды или домашнего обихода, необходимых для приданого. Например, в ст. Прохладной родители невесты получали от родителей жениха «пособие деньгами, водкой, вином, мукой и разными продуктами из домашнего хозяйства». Все эти припасы были предназначены для свадьбы. По свидетельству информаторов, в более поздний период во всех станицах, включая и станицу Екатериноградскую, жених чаще всего платил родителям невесты от 10 до 50 рублей. Иногда он покупал невесте свадебное платье, туфли или недостающую часть приданого — одеяло, шаль, юбку и т. п. В станице Приближной этот взнос называли кладкой — как во многих регионах России. Впрочем, в этой же станице зафиксировано и другое его название — калым 20. Но в отличие от калыма, известного многим народам Кавказа, кладка в казачьих станицах не оставалась у родителей невесты, а тратилась ими на свадьбу или на приданое.

Сговор в конце XIX — начале XX в. совершался и в ст. Прохладной, и в ст. Екатериноградской. Но если в ст. Прохладной сговор (змовини) сводился к переговорам между сторонами невесты и жениха о предстоящей свадьбе, о размере свадебного взноса, то в ст. Екатериноградской сговор был едва ли не главным обрядом предсвадебного цикла. Именно во время сговора здесь «сводили» жениха и невесту, а также заключали окончательное соглашение о свадьбе. В день сговора торжественная процессия с песнями отправлялась из дома жениха к дому невесты. Во двор все входило свободно через открытые ворота, но дверь в комнату им открывали только после того, как сваха трижды читала молитву и просила пустить странников погреться. Родственники невесты усаживали пришедших за стол, угощали. Потом одна из девушек вводила в комнату невесту, которая подносила жениху рюмку водки и рюмку вина, просила отведать. Жених выпивал, целовал невесту, потом подносил ей водку и вино. В это время девушки пели:

«И как тебе, Настасьюшка, не стыдно Чужого-то дитишку целовать...»

Затем невеста обносила вином и водкой своих родственников и родственников жениха. На этом своды заканчивались, но сговор продолжался; родственники жениха и невесты начинали класть руку, скрепляя договор о браке.

В таком виде сговор исполнялся в ст. Екатериноградской еще в начале XX в., но вскоре он как отдельный обряд перестал существовать и был забыт. Жители Екатериноградской, как и других станиц, стали огра-

брак родители девушки давали несколько раз — вначале сватам, потом родителям жениха во время сватовства, наконец, окончательно.

Как же выражалось согласие или отказ от брака? Во всех станицах сваты, направляясь в дом девушки, брали с собой хлеб и водку или вино. Все это было возвращено в платок или в полу одежды. Если родители девушки не хотели выдать ее замуж, то они возвращали сватам их хлеб и выпивку — это означало отказ. В станице Прохладной получение отказа обозначали термином коряки лупать, в ст. Екатериноградской отказать — арбуз испечь, чайник навесить. Иногда сваты, потерпев неудачу в одном доме, шли во второй, в третий, до тех пор, пока им не удавалось засватать какую-нибудь девушку. Если родители девушки согласны были выдать ее замуж, то они принимали принесенные сватами или родителями жениха хлеб и водку. В ст. Прохладной еще в конце XIX в. во время сватовства, после того, как жених и невеста давали согласие на брак, и после общей молитвы мать невесты ломала (но не резала) на куски хлеб, принесенный «старостами», и раздавала его родственникам. Очевидно, что вместе с молитвой этот ритуал должен был скрепить договор о браке. В ст. Екатериноградской в нач. XX в. во время сговора, после того как сводили жениха и невесту, их родственники начинали класть руку. Вначале родственники невесты, обернув правые руки в платки, фартуки и полы одежды, клали их на хлеб, принесенный отцом жениха, потом клали руки родственники жениха и сверху — его отец, который говорил, что после этого не должно быть никаких отступлений от заключенных условий. Эти обычаи и в ст. Прохладной, и в ст. Екатериноградской просуществовали только до начала XX в. Впоследствии их заменил другой обряд, который одинаково исполнялся и в ст. Прохладной, и в ст. Екатериноградской, и во всех остальных станицах на территории Кабардино-Балкарии. Во время сватовства, после того, как жених и невеста давали согласие на брак, кто-нибудь из присутствующих, чаще всего невеста, разрезала принесенный сватами хлеб обычно на 4 части, и давал их родителям жениха и невесты. С того момента, как девушка разрезала хлеб, она во всех станицах считалась просватанной. Этот обычай сохранился у казаков до настоящего времени. Известен он и за пределами Кабардино-Балкарии, в частности, на Кубани. Во всех трех обрядах, скреплявших договор о браке, важная роль отводилась хлебу. Очевидно, в основе их лежало представление о том, что совместная трапеза объединяла людей, создавала тесные, даже родственные, связи между ними.

Важное значение в заключении брачного соглашения придавалось также совместному питию. Кроме хлеба, сваты приносили в дом жениха водку или вино. После того, как невеста разрезала хлеб, родст-

веста разрезала хлеб, а также по дороге к дому жениха, когда шли печи смотреть:

«Пьяница, пропойница И Машин батюшка Пропили Машу, Пропили за мед, за горелку, За вино чару. Пойду по улице, Пойду по широкой, Два двора миную, Третий послушаю: Что люди говорят, Моего батюшку бронют, Пьяницей называют».

Другие варианты этой песни исполнялись в терских станицах за пределами Кабардино-Балкарии, например, в ст. Ищерской, а также на Дону.

Возможно, что и некоторые другие обычаи должны были скрепить договоренность о свадьбе. В ст. Прохладной следующий день после завершения сватовства и осмотра хозяйства жениха он вместе со своими родственниками шел к невесте, и она дарила им всем платки. В ст. Екатериноградской невеста дарила жениху платок во время сговора, когда подносила ему вино. Не исключено, что эти подарки служили своего рода залогом предстоящей свадьбы. Так или иначе, когда соглашение о свадьбе было заключено и все необходимые обряды выполнены, ни одна из сторон не могла отозваться от брака, а если отказывалась, то должна была выплатить другой стороне определенную сумму денег.

Через несколько дней после сватовства родители невесты шли в дом жениха и там договаривались о том, на какой день назначить венчание. Обычно венчались через 2—3 недели или через месяц после сватовства.

Первый этап предсвадебной обрядности, связанный со сватовством, был насыщен разнообразными обрядами, но после его окончания в предсвадебном цикле наступал как бы перерыв. Родственники жениха и невесты готовились к свадьбе, но как-либо обрядов в этот период почти не было.

Посиделки и вечеринки

После сватовства, а в ст. Екатериноградской после сговора, в доме невесты едва ли не ежедневно собирались ее подруги, помогали ей шить и вышивать приданое, а также подарки для жениха и его родственников — платки, кисеты, карманы для свекрови. Это и были посиделки (так их называли в ст. Екатериноградской в нач. XX в.). Кроме них устраивались вечеринки — в доме невесты собиравлась молодежь, проводила время в песнях, плясках, играх. Вечеринки, как и посиделки, во всех станицах проходили примерно одинаково, хотя названия их сохранились не везде. После ужина близкие подруги невесты (из ее гурта) оставались ночевать у нее. Жених тоже ночевал у своей невесты, а вместе с ним — те из его друзей, которым девушки разрешили остаться. В ст. Приближной жених по просьбе друзей потихоньку спрашивал у каждой из девушек, согласна ли она того или иного из них оставить ночевать. Спать укладывались парами: невеста с женихом на кровати, девушки на полу рядом со своими ухажерами, но «сны эти невинны», как подчеркивалось в описании свадебной обрядности ст. Екатериноградской начала XX в. То же самое утверждают все участники вечеринки в этой и других станицах. По их словам, даже отношения жениха и невесты, оставались до свадьбы вполне целомудренными.

За 2—3 дня до свадьбы начинался новый этап предсвадебной обрядности, связанный непосредственно с подготовкой к свадьбе. Некоторые обряды этого этапа исполнялись во всех станицах на территории Кабардино-Балкарии — это изготовление и украшение каравая, посещение кладбища невестой-сиротой, девичник.

За день или за два до свадьбы во всех станицах пекли свадебный обрядовый хлеб. Он имел несколько разновидностей. Прежде всего, это был большой круглый ка-